

УРАЛЬСКИЕ КАЗАКИ КОЛПАКОВЫ

**Вадим Викторович
и Вера Сергеевна Колпаковы**

*Вещи и дела, аще не написанныи бывають,
тьмою покрываются и гробу беспамятства
предаются. Написанныи яко одушевленнии.*

И. Филиппов, поморский проповедник. XVIII в.

Колпаковы – русские, и историю их предков можно рассматривать как неразрывно связанную с историей всего русского народа.

По семейному преданию, первый предок Колпаковых, пришедший к яицким казакам, был симбирский стрелец Яков, какое-то время продолжавший носить стрелецкий конусообразный головной убор и потому получивший прозвище «Колпак». Известно, что в древней Руси фамилий вообще не было; фамилии появились позже от прозвищ.

Яик притягивал: там не преследовали за веру, убеждения, за старые грехи. Там человек мог почувствовать себя равным среди равных, обрести достоинство, приложить силы, чтобы что-то нажить, не терпеть нужды. Там ценились удаля, искусство охоты в богатых зверем и птицей лесах и степях. Там было беспокойно, опасно, требовалась сила, сметка, смелость, находчивость. Оттуда можно было уйти, да не уходили.

*Казацкий род – ищи его концы,
Его исток историкам неведом,
Все казаки в разбой утеклецы
По пращурам, прабабушкам и дедам...*

В. Машковцев

Бегство на Яик особенно усилилось при Петре I. Уже в 1695 г. правительству встревожилось наплывом беглых в казачье войско и произвело на Яике перепись, по которой служилых казаков значилось 2600 человек. Беглецы продолжали приходить и укрываться в войске сотнями – крестьяне и стрельцы, посадские люди. В 1717 г. на Яике насчитывалось уже 5000 служилых. Вполне вероятно, что Яков Колпак попал сюда с этим наплывом.

Так или иначе, но к середине XVIII в. Колпаковы уже принадлежали к числу влиятельных казаков и входили в старшинскую верхушку. **Яков Антонович Колпаков** (1723–1772) был избран в Комиссию, созданную Екатериной II для сочинения Нового Уложения, которое должно было представлять новый свод законов. Другой Колпаков – **Иван** – был в 1773 г. схвачен пугачевцами под Яицким городком и за отказ признать Пугачева императором Петром III повешен вместе с несколькими офицерами и казаками старшинской партии.

Участник Отечественной войны 1812 г., есаул **Андрей Яковлевич Колпаков**, родился в 1748 г. Из его послужного списка¹ известно, что он был в походах в 1774 г. на азиатской стороне р. Урал «в погоне за ворами киргиз-кайсаками», в 1777, 1784, 1786, 1787, 1789, 1790 и 1792 гг. – на форпостах и в полках против киргизов, а в 1793 – 1796 гг. – на Кавказской линии в корпусе генерала графа Гудовича, с 1797 г. – на азиатской стороне в резервной команде. «В штрафах по суду и без суда не бывал». В 1806 г. он по возрасту и болезням был уволен в отставку, но в 1812 г. участвовал в войне с Наполеоном и в 1814 г. побывал в составе войска в Париже. Судя по его возрасту (66 лет), он, вероятно, состоял в обозе.

Сотник **Петр Андреевич Колпаков**, сын Андрея Яковлевича – также участник Отечественной войны 1812 г. Родился в 1766–1768 г., из казачьих детей Уральского войска. Сохранился формулярный список прохождения им воинской службы². На момент составления списка (в 1814–1815 гг.) ему было 49 лет. С 1790 по 1795 гг. он находился

Уральский казак Сила Вихрев. Народный лубок 1812–1813 гг.

на Кавказе для «охранения здешних жилищ и форпостов». С 1796 по 1800 гг. был «на Кавказской линии в корпусе генерал-лейтенанта Кнорринга против горских и других народов». В 1812 г. находился в Москве и под Москвой. Интересно описание действий казаков в Москве в 1812 г. по книге С.М. Любецкого «Русь и русские в 1812 году»³: «...за заставой где-нибудь в лесу, во рву или в овраге укрыты были у них оседланные лошади, на всякий случай. Казаки держали цепи во круг Москвы, сторожа врагов, и по мере надобности то подвигались, то отодвигались от застав; у них были свои сигналы, маяки: шесты с пучком соломы наверху, которую они зажигали, извещая товарищей о близости неприятелей. Тогда казаки показывали образцовые примеры удали и отваги: быстро влетали они верхами в заставы, арканили неосторожных французов и скрывались от выстрелов их, виляя во все стороны и ловко перевешиваясь через лошадей. Казаков называли тогда «стрелы русского грома». Милорадович устроил летучую почту из казаков». После изгнания неприятеля из Москвы у всех ворот полуразрушенного Кремля стояли казаки, и в него долго никого не пускали.

Любопытно описание всеобщего подъема народов в войну 1812 г. (в той же книге): «...с самых хребтов уральских также подоспело немалое число вооруженных ратоборцев; везде бряцало оружие, везде посылались восклицания диких, но храбрых воинов: «Идем все поголовно, луки наши натянуты, смертоносные стрелы и острые пики готовы на поражение врагов!» И на побережье Урала старинные воины <...> единодушно восклицали: «Не дадим святой Руси в обиду иноплеменикам!» Так и отец Петра Андреевича, будучи 66-летним старцем, снова взял в руки оружие и дошел с русскими войсками до Парижа!

После отступления французов из Москвы, военная стезя увела сотника Петра Колпакова на запад. В 1813–1814 гг. он был под Дрезденом и Лейпцигом, участвовал «при блокаде Магдебурга и Гамбурга в составе Польской армии против французов»².

Пикет уральских казаков.
Раскрашенная гравюра К. Вагнера по оригиналу Е. Карнеева, 1812 г.

Все дальнейшие поколения Колпаковых продолжали верой и правдой служить Отечеству в составе Уральского казачьего войска. Приведем краткие биографии нескольких из них.

Правнук Петра Андреевича, **Николай Васильевич**, родился в 1833 г. в станице Лебяженской (Лебедок). На службу пошел рядовым казаком. Участвовал в Турецких войнах и в войне на Кавказе. В походах дослужился до чина сотника, имел медали за ратные подвиги.

Вернувшись на Урал, вышел в отставку и женился на казачке Анне Савиновне (Саввишне) Вязниковцевой. Казаки Вязниковцевы упоминаются в книге А.Б. Карпова «Уральцы»⁴ и в романе В.П. Правдухина «Яик уходит в море»⁵.

Поселившись в Калмыкове, Николай Васильевич целиком ушел в хозяйственные дела. Он занялся скотоводством и коневодством, как это было заведено у калмыковских жителей, и одним из первых на Урале развел фруктовый сад недалеко от Калмыкова на Обышевском ерике. В то время в Калмыкове собрались сносить старую деревянную школу, чтобы поставить на ее месте новую. Николай Васильевич купил здание и перевез в сад. Дом был поставлен на месте казачьего сторожевого поста, некогда входившего в состав укрепленной линии и предназначенного для охраны Войска от степных кочевников, совершавших набеги с противоположной стороны. Они, бывало, переправлялись через Урал как раз около сада. Разведение сада на пустом месте, да еще близ переправы, в удалении от станицы было делом далеко не безопасным. На одиночек могли группой напасть киргизы, так что в сад Николай Васильевич отправлялся только при оружии. Хозяйственные дела продвигались успешно, семья росла, поднимались дети.

В 1891 г. в Уральске состоялась губернская выставка, на которой Николаю Васильевичу приказом Министерства государственных имуществ были присуждены большая серебряная медаль за пшеницу-белотурку, просо и лен и малая серебряная медаль за верблюжью шерсть и баранью джебагу. От Войска он получил также бронзовую медаль⁶.

В 1903 г. за яблоки, выставленные на Парижской выставке, Николаю Васильевичу были пожалованы бронзовая медаль и мельхиоровый сервиз Севрской фабрики. Яблоки те были по фунту штука и по вкусу лучше ташкентских. Посылались они и в Петербург, после чего однажды к Пасхе Колпаковым было прислано от царицы Марии Федоровны яйцо в серебряной оправе. Как реликвия оно было помещено на подставке в углу под иконами.

Семья у Николая Васильевича получилась большая: росли четыре сына и две дочери. Нарушив традиции предков и следуя новым веяниям, он дал всем детям образование – они посылались учиться в Уральск, были обеспечены там своим жильем.

**Полковник
Николай Александрович Колпаков**

В старости Николай Васильевич был окружен многочисленными внуками, которые свозились в Калмыков на дачный сезон. Летний дом в саду манил детей как место для отдыха, куда они съезжались из разных городов. Сад оживал. Здесь было вдоволь и фруктов, и каймаку. Теплые воды Урала приглашали купаться, рыбачить, степь звала мальчишек на охоту.

До революции Николай Васильевич не дожил – умер 22 февраля 1907 г. от инфекционной болезни. Похоронен в Калмыкове на старом кладбище, памятник не сохранился.

Вся жизнь **Александра Васильевича Колпакова** (1840–1909, младший брат Николая Васильевича) тоже связана с Уральским казачьим войском. Начав

простым казаком в 1858 г., он в 1862 г. уже хорунжий, в 1863 г. – начальник пограничных постов Уральских засек и внутренней Букеевской орды, через год – начальник Крутловского форпоста. В 1870 г. произведен в есаулы, получил чин сотника⁷.

С 1886 г. уволенный от службы есаул А.В. Колпаков становится атаманом Чаганской станицы Лбищенского уезда. Атаман, по-видимому, достаточно богат, так как в 1887 г. он передает для кавалерии шесть лошадей. А в 1890 г. у А.В. Колпакова, члена Общества уральских частных коневодов, приняты для кавалерии еще пять лошадей (из восьми представленных), за что ему пожалован орден Св. Станислава 3-й степени⁸.

Совсем по-другому сложились судьбы последующих поколений Колпаковых, которым довелось испытать трудности революционного лихолетья, сталинские репрессии. В этом отношении особенно показательна история жизни **Николая Александровича Колпакова** (сын Александра Васильевича) – полковника царской армии, вынужденного в советский период тщательно скрывать свою истинную биографию.

Николай Колпаков родился в 1877 г., окончил Оренбургский Неплюевский кадетский корпус, Николаевское кавалерийское училище. С 1901 г. он хорунжий лейб-гвардии Уральской казачьей сотни в Петербурге, с 06.12.1901 – сотник, с 06.12.1905 – подьесаул.

В 1901 г. хорунжий Н.А. Колпаков венчался с Анной Степановной, дочерью потомственного дворянина Степана (Стефана) Антоновича Радецкого – военного врача, потомка нескольких поколений священнослужителей Киевской губернии.

В 1912 г. в годовщину 100-летия Отечественной войны с Наполеоном Николай Александрович и Виктор Николаевич Колпаковы по справке войскового архива Уральского казачьего войска о том, что они являются прямыми потомками участника Отечественной войны, получили юбилейные серебряные медали (справку от 7 августа 1912 г. подписал войсковой архивариус есаул Сладков).

С началом Первой мировой войны Николай Александрович направляется со своей сотней на фронт, где проводит смелую операцию и захватывает в плен австрийского штабмейстера (маршала). С 06.12.1914 он есаул, с 16.01.1915 – начальник штаба Уральского казачьего войска, с 30.07.1915 – полковник, с 01.10.1918 – генерал-квартирмейстер штаба Уральской армии⁹.

Ордена Николая Александровича: Св. Анны 4-й степени с надписью «За храбрость», 3-й и 2-й степеней с мечами и бантом; Св. Станислава 3-й и 2-й степеней с мечами, Св. Владимира 4-й степени с мечами и бантом¹⁰. К великому сожалению, все эти честно заслуженные награды, завязанными в платочек были брошены с моста на дно реки Яузы!!! Этим была спасена семья от уничтожения! Вот почему мы в детстве не ведали об истинной истории нашей семьи...

В результате февральской революции служба казаков в Петрограде стала ненужной, и они стали разъезжаться по родным местам. Николай Александрович направился в Уральск. Однако здесь уже чувствовались новые веяния. Общинное единство и относительно высокое

Большая семья Радецких – семья священников, врачей и военных

благосостояние казаков не вписывалось в схему полного выравнивания всех индивидуумов, лишаемых средств производства, но обязанных сдать все продукты труда распределителям. На казаков обрушились грабежи и гонения, губились жизни, калечились судьбы, разорялись хозяйства. Красноармейцам из крестьян Саратовской губернии судили раздать казачьи земли. Жизнь в Уральске стала невозможной; казаки, сопротивляясь, стали отступать вниз по Уралу.

И вот, Николай Александрович с женой и тремя детьми был вынужден уехать в неизвестность, оставив дом со всем имуществом. Погрузив на большую телегу, запряженную Надиrom и Ветром, самое необходимое, семья покинула родное место, чтобы никогда в него больше не вернуться!..

Это было тяжелое путешествие по уральским станицам, где семья останавливалась, жила недолго и ехала дальше. Так они добрались до г. Гурьева на Каспийском море. Пробыв в нем с апреля по декабрь 1919 г., они пустились с беженским обозом в невиданный поход по территории Мертвого Култука. Во время этого ужасного пути людей грабили, убивали местные киргизы-одоевцы. Дети насмотрелись ужасов! Когда с великими лишениями добрались до форта Александровский, Николая Александровича арестовали красные и, больного тифом, вывезли в концлагерь на острове Нарген на Каспии.

Неизвестно, что было бы с ним дальше, но к счастью, его освободил под «честное слово» неграмотный матрос-комендант, которому Николай Александрович пообещал, что не причинит рабочим и крестьянам никакого вреда. Так оно и вышло. Оказавшись на материке, он больше никогда не облачался в военную форму, а ордена, как уже было сказано, в 1930-е годы ради безопасности были брошены в Язу с Лефортовского моста.

На родину, на Урал, и в город на Неве (место службы) Николай Александрович не стал возвращаться, а направился в московское многолюдство и обратился в грамотного и умелого строителя-договорника: возводил в подмосковных селах и деревнях котельные, коровники, амбары и прочее. Таким образом, он мало соприкасался с кадровиками, стукачами и доносчиками; был в стороне от красного партийного спрута. Анкету и автобиографию пришлось сочинить под запросы советского времени.

Такой образ жизни спас и его, и семью в разгар сталинского геноцида: «унохай» какой-нибудь партийный «шариков», что Николай Александрович бывший полковник гвардии – это была бы гибель. Могла подвести только внешность: высокий, статный, мужественного вида, с крупными благородными чертами лица, он не походил на типичного пролетария.

Работая, Николай Александрович выезжал в деревни, выполняя заказы, до самого конца жизни (1948 г.). Он очень интересовался

семейной историей, помнил многих людей, но записей не делал – учитывая обстоятельства того времени, подобных записей просто нельзя было вести.

Еще драматичнее сложилась судьба его сына – **Николая Николаевича Колпакова** (1904–1993). С детства у Коли было очень сильно развито чувство долга и справедливости. Перед самой революцией он успел один год проучиться во 2-м кадетском корпусе Петра Великого. В 1929 г. он окончил Московскую артиллерийскую школу, стал командиром взвода. В 1941 г. проходил службу в Забайкальском военном округе.

12 июня 1941 г. на станцию между Борзей и Оловянной подали составы для погрузки воинской части, где служил Николай Колпаков. Ехали с закрытыми дверями вагонов, на станциях не выходили. Новостей не знали. Только 24 июня в Саратове узнали из газет о войне. Далее железнодорожные пути оказались забиты эшелонами.

Наконец, добрались до Орши. Было много неразберихи, путаницы, паники и трусости комсостава, плюс отсутствие карт и снарядов для артиллерии.

13-й артполк, где Николай занимал должность помначштаба, стал быстро перемещаться по Витебской, а затем по Смоленской области. Под Витебском освободили из окружения какую-то часть, но сами попали в трудное положение: обстрела и атаки немцев можно было ждать откуда угодно. Ситуация становилась все более угрожающей, и полк перешел к отступлению. В лесу дождались темноты и пошли на восток в сторону своих. Встретили сторожевой пост части своего полка. Утром соединились с основной массой. Толпой подошли к Днепру, но начать переправу мешал немецкий снайпер. Пришлось залечь. Капитан Колпаков поднялся, и тотчас – удар и туман в глазах: снайпер попал в оправу очков. Новые очки взять было негде, и Николай надолго стал плоховидящим.

Ранение в ногу, полученное в бою на следующий день, еще более осложнило положение: рана болела и сковывала движения. Удалось попасть в санбат, но санитарная машина с ранеными, случайно заехав в населенный пункт, занятый немцами, была встречена пулеметным огнем. Все выскочили из машины, прижались к стенам и стали отходить: ползли по канаве. Раненая нога не давала ползти, чуть высунулся из канавы – получил второе ранение! Закричал товарищу: «Возьми мой партбилет – меня сильно зацепило!» и еще бросил ему штабную печать. Дико палило солнце, хотелось пить, а баклажку не отстегнуть. Для этого надо было перевернуться. Едва приподнялся – опять стрельба. Только бы добраться до конца простреливаемого подъема и перебраться за его гребень!

Командир Красной армии Николай Колпаков

Сознание уходило, а когда затеплилось снова, то услышал голос: «Вассер нахте». Открыв глаза, увидел вплотную сапог с широким голенищем. Немцев было двое. Один из них отстегнул фляжку и положил ему на грудь. Но обессилевший раненый все равно не мог с ней управиться. Тогда второй немец напоил Николая и, смешивая немецкие слова с польскими, спросил: «Дети есть?», а потом сказал, что по профессии он бухгалтер. А когда услышал в ответ: «Их аух» («Я тоже» – Николай одно время учился бухгалтерскому делу), проявил дружеское расположение к раненому.

Вскоре немцы подогнали мотоцикл с коляской, погрузили Николая и отвезли в ближайшую деревню, где местные бабы перевязали его новые раны: осколком были ободраны и оторваны концы пальцев – руки были в ужасном виде.

Однополчане остались в полной уверенности, что помначштаба Колпаков убит, и домой пошла «похоронка», нанеся удар близким, но, в то же время, пришедшая «очень кстати», так как она, по сути, спасла от гибели сестру Веру, посланную под Вязьму рыть окопы. Веру отпустили домой утешать мать, а все ее сослуживцы, позже захваченные немцами, были либо убиты, либо отправлены в Германию.

Николай же, следуя с колоннами пленных то пешком, то на носилках, то в телеге, не раз находясь на волосок от гибели, в конце концов оказался в лагере для военнопленных в г. Вольфсберг. Советские пленные были там самыми бедными, не имея никакой помощи с родины, – правительство отказалось от них. Не получали они поддержки и от Красного Креста: СССР в него войти не пожелал, в отличие от других стран. Иногда французы и англичане, видя бедственное положение советских пленных, оказывали им некоторую поддержку: давали картошку, курево, просто окурки. Однажды, по случаю Рождества, англичане подарили в русский барак 42 ящичка (по числу людей) с салом, маслом, консервами, витаминизированными отрубями. По-настоящему христианский великодушный поступок! Все это пошло для больных пленных.

Николаю Николаевичу удалось выжить, попав в команду медиков, обслуживающих лагерь. И, конечно, очень выручало знание немецкого языка. Однако очень скоро он оказался на заметке у начальства лагеря, которое было недовольно тем, что он мешал власовцам вербо-

Опознавательные знаки на одежде узника концлагеря Н.Н. Колпакова (слева направо): санитар, советский военнопленный, русский (ГА РФ)

вать пленных в свою армию. Им заинтересовалось гестапо. С группой подозреваемых он был помещен в тюрьму, а оттуда под сильной охраной отправлен 31 января 1944 г. в лагерь смерти Дахау. Режим здесь был особенно жестокий. Эсэсовская охрана надменна и безжалостна. Николаю Николаевичу был присвоен номер 62892, а там встречались и первые номера – у немцев, арестованных еще в 1932 г. Это были антифашисты, дружески относившиеся к русским пленным.

Положение заключенного № 62892 несколько облегчалось тем, что он по-прежнему входил в команду медиков и был занят при лазарете.

29 апреля 1945 г. к Дахау приблизились войска союзников, и фашисты назначили в 6 часов вечера уничтожение всех заключенных минометным огнем. Это был секретный план, но он каким-то образом стал известен заключенным немцам-мюнхенцам, и один из них смог вовремя предупредить американских солдат, которые незаметно подобралась к минометной батарее и за 25 минут до назначенного времени ее уничтожили!

23 июня 1945 г. Николай Николаевич с группой русских, освобожденных из Дахау, был привезен в Венгрию, в эвакоприемник. Оттуда ехали с подъемом и радостью на Родину, к близким! Вагоны украсили флажками и лозунгами, но впереди, оказалось, ждали новые фильтрационные пункты и далеко не все заключенные, обретшие наконец свободу, были направлены домой... Очень многие бывшие узники немецких концлагерей попали в сталинские лагеря на Колыме, в Казахстане, Норильске...

Николаю Николаевичу удалось добраться до Москвы. Дома оказался в 2 часа ночи. Радость! Живой!!! Наконец-то все кончилось...

Но не тут-то было: прошел день, но вечером – звонок в дверь, входят трое. И начались мытарства на долгожданной Родине: полученные Николаем Николаевичем документы годились только как временное удостоверение личности. Настоящие же должны были выдать в военкомате при условии получения подтверждения, которого пришлось ждать очень долго. У бывшего заключенного лагеря смерти не было прописки, не было работы, не было денег, не было

продовольственных карточек. Без родных можно было бы совсем пропасть. Без военного билета не прописывали. Каждый день месяц за месяцем (!) Николай Николаевич был вынужден ходить в военкомат, чтобы узнавать, пришли ли подтверждающие документы. А там, в военкомате, неизбежная встреча с хамом-военкомом, который куражился над бывшим пленным... В общем, прошел все круги ада! Наконец выдали военный билет!

В 1960 г. Николая Николаевича приняли на работу в Ботанический сад МГУ. А в 1990 г. отметили 30-летний юбилей его трудовой деятельности в саду (ему уже шел 86-й год!). Николай Николаевич там был и «швец, и жнец»: и общественная работа, и охрана сада от воров, лезущих через забор за цветами, и наблюдение за всеми ремонтниками и подрядчиками (чтобы они качественно выполняли работы и не воровали), и помощь ученым и агрономам в проведении различных опытов и сезонных мероприятий.

Николай Николаевич всегда интересовался судьбой всех своих товарищей по школе, по армии, по лагерям и переписывался с ними. Он вошел в Комитет бывших узников Дахау, вел большую переписку, перезванивался со всеми¹¹.

Умер Николай Николаевич 6 февраля 1993 г. в госпитале № 1 для ветеранов ВОВ в Москве.

Мы, современные Колпаковы, Вадим Викторович и Вера Сергеевна (мы из разных ветвей рода, но предки – участники войны 1812 г. – у нас общие), тоже прошли тяжелую жизненную школу. Когда Вадиму было всего 13 лет, отца увели навсегда... Сказалось социальное происхождение и короткий период учебы в Оренбургском юнкерском училище.

Так уж сложилось, что Вадим Викторович связал свою жизнь с геологией – с 15-ти лет в экспедициях, где сами собой рождались стихи:

*Караван, караван! Ленга вьючных коней
Длинный спуск заняла, поползла на подъем,
А кругом красота, нету места чудней,
Так тропинка узка, круты горы кругом!*

В 1949 г. он открыл удивительный Патомский кратер, происхождение которого остается неразгаданным до сих пор. Представьте: глухая тайга расступается и перед вами возникает грандиозное каменное природное сооружение, размерами и даже формой напоминающее стадион Лужники. Впечатление потрясающее! (К сожалению, более подробное описание этого уникального явления уведет нас слишком далеко от основной темы нашего повествования.)

За свой долгий геологический век Вадим Викторович преодолел тысячи километров в байдарке, пешком, на вездеходах и автомобилях.

Карлен на Бородинском поле

Написал неопубликованную книгу стихов, из которых некоторые увидели свет в издании «Геология, жизнь моя» (тома 9 и 12).

Мы стараемся привить интерес к изучению семейной истории самым юным представителям нашего рода. Очень отраднo, что внук Карлен, 1995 года рождения, состоит в военно-патриотическом клубе «Мушкетер», охотно участвует в ежегодных осенних реконструкциях знаменитого Бородинского сражения. Растет еще один защитник Отечества!

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ РГВИА. Ф. 13. Оп. 111. Св. 179. Д. 16.

² Послужной список П.А. Колпакова за 1814 г. хранится в Хозяйственном управлении УКВ.

³ Любецкий С.М. Русь и русские в 1812 году. – М., 1869.

⁴ Карпов А.Б. Уральцы. – Уральск, 1911.

⁵ Правдухин В.П. Яик уходит в море. – Челябинск, 1968.

⁶ Уральские войсковые ведомости. 1891. № 33 и № 35.

⁷ То же. 1870. № 34.

⁸ То же. 1891. № 33.

⁹ Картагузов С. Офицерский состав частей Уральского казачьего войска. 1914–1918. – М/, 2012.

¹⁰ РГВИА. Ф. 3612. Оп. 1. Д. 38. Л. 12.

¹¹ Личный фонд Н.Н. Колпакова хранится в ГА РФ.